

УДК 378.014.15

DOI: 10.23951/2307-6127-2019-2-200-203

**АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ВЫДЕЛЕНИЯ МАГИСТРАТУРЫ
КАК ПРОСТРАНСТВА НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ОБЗОР КНИГИ УИЛЬЯМА КЛАРКА «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ХАРИЗМА И ИСТОКИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» (ПЕР. С АНГЛ.; ПОД НАУЧ.
РЕД. М. ДОБРЯКОВОЙ. М.: ИЗДАТ. ДОМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ,
2017. 736 С.)***

С. И. Поздеева

Томский государственный педагогический университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Как утверждает сам автор в прологе, книга посвящена анализу эволюции ученого: «от средневековых форм до современных инкарнаций». Это помогает читателю разобраться в истоках исследовательских университетов, зародившихся в протестантской Германии; при этом более подробно рассматривается период с 1770-х по 1830-е гг. Основная идея Кларка состоит в том, что исследовательский университет появился в ответ на требования рынка и бюрократии, породив новый тип ученого, заинтересованного в оригинальных научных исследованиях и в достижении славы посредством научных публикаций. В книге рассмотрена эволюция привычных форм академической жизни: лекций, диспутов, написания и защиты докторских диссертаций, системы оценок и др. Автор утверждает, что «русская университетская система XIX в. была официально выстроена по модели, первоначально геттингенского, а затем берлинского университета» [с. 581]. Нам было бы интересно сфокусироваться на анализе магистратуры как неотъемлемой составляющей университета и пространства организации исследования.

О зарождении магистратуры как особой ступени обучения и особого образовательного пространства есть смысл говорить из контекста противопоставления двух академических режимов: традиционного, нацеленного на трансляцию знаний, и современного, в котором учебные заведения должны служить развитию имеющихся знаний, т. е. предполагать исследовательскую работу. Анализируя становление средневековых университетов, автор подчеркивает, что «университетская архитектура изначально была церковной – и остается таковой для университетов с ностальгией...» [с. 21]. Лектор, вещающий с кафедры, читающий книгу, – аналог епископа, ведущего проповедь. Лекция, как особый вид академической деятельности, означала проповедь и характеризовалась: иерархией, возвышением лектора, наличием книги (лектор обслуживал книгу), сочетанием чтения с комментированием, за-учиванием услышанного (записи студентами не велись). Такая «проповедческая» стратегия со времен средневековой схоластики оказалась очень живучей, так как осталась не только в пространстве современного бакалавриата, но частично просочилась и в магистратуру. Об этом свидетельствуют негативные отзывы магистрантов, которые ожидают новых форм работы и нового образовательного содержания, однако сталкиваются со старым содержанием, завуалированным в новые названия учебных дисциплин и с прежним монологическим режимом учебных занятий.

* Материал подготовлен в рамках проекта РФФИ 18-013-011 25/А.

Теологическая миссия университета проявлялась и в том, что наивысший уровень в «академической башне» занимали студенты теологии. В книге приведена последовательность академических званий и костюмов процессии в Кембриджском университете (1694 г.): бакалавры искусства, бакалавры медицины и права, магистры искусств, бакалавры теологии. «Почетное место на вершине отведено теологии. Искусства и философия (в том числе естественные науки) теснятся у подножия. Медицина же и право занимают середину» [с. 60]. Степень средневекового магистра считалась достаточно сложной для получения, однако получившие ее имели право читать лекции по книгам исходя из собственного выбора (так называемый магистр 7 свободных искусств). В Пражском университете (1367 г.) магистры соперничали друг с другом за чтение лекций по одной и той же книге (как правило, за хорошо оплачиваемые книги, т. е. курсы).

Однако было бы неверно трактовать учебный процесс в университете как исключительно монологическую практику. Со времен Средневековья и до романтизма 19 века сосуществовали два основных вида академической деятельности: *лекция* (проповедь) и *диспут* (соствязание). «Диспут в его средневековом и раннем новоевропейском смыслах – это единственный термин, сопоставимый с современным понятием исследования» [с. 106]. Формат диспута определялся юридическим или судебным этикетом и предполагал три роли его участников: председатель, респондент и оппоненты. При этом обсуждались заранее тезисы (либо произвольно, либо с учетом лекционного материала). «Все действие в большей степени выстраивалось вокруг формы, нежели содержания» [с. 116]. Новые знания не открывались в результате диспута, на них повторялись общепринятые доктрины, «разбирались и устранялись воображаемые ошибки» [с. 120]. Кроме того, диспут был главным испытанием на получение степени бакалавра гуманитарных наук. Так в Кембридже (1763 г.) тьюторы делили своих студентов на три группы: начитанные, читающие, нечитающие. Это означает, что в бакалавриате диспут виделся как форма экзамена, проверяющая начитанность студента и умение изъясняться, а в магистратуре был базовой формой учебных занятий наряду с лекцией. К сожалению, «...к 18 веку диспут стал комическим театром, где некоторые, а может быть, и многие выступали теперь ради аплодисментов» [с. 136].

В качестве наследника частных диспутов Средневековья автор выделяет *частные (диспутационные) коллегии*, на которых проводились не только обучающие (тренировочные) диспуты, но и частные лекции, лаборатории, где все читали и обсуждали какой-то текст. «Частная коллегия стала испытательной площадкой, где внедрялись учебно-образовательные инновации. Как и институт тьюторов в Оксбридже, она предоставила канал, через который в научное сообщество могло проникнуть что-то неканоническое, но со временем стать таковым» [с. 215]. На наш взгляд, этому способствовало и само пространство коллегии: неформальное (они проводились в частных или домашних помещениях), участники сидели за круглым столом, профессор был одет в домашний («академический») халат.

Новой формой академической деятельности в магистратуре, сменившей в XVIII в. диспут-«фарс» и частную коллегия, стал *университетский семинар*. Первый семинар для магистрантов был организован в Пруссии в 1787 г. на факультете гуманитарных наук (он назывался Внеуниверситетский педагогический семинар). Его миссия заключалась в подготовке и сертификации будущих преподавателей средних школ. Автор считает, что именно здесь была намечена четкая граница между бакалавриатом и магистратурой не только потому, что семинар посещали старшие студенты, но и потому, что здесь они заявляли о себе оригинальностью своих исследований. Немецкий семинарист, участник филологического семинара, «должен был сформулировать сферу своих интересов и персонифицировать ее для оценки (в письменном изложении)» [с. 242]. Долгое время семинары были связаны с

педагогикой и классическими языками. Деятельность на семинаре выглядела как сочетание устных и письменных работ, например, распространенной практикой были *еженедельные круговые диспуты* по обсуждению письменных работ самих студентов.

Что касается самих письменных работ, то в них приветствовалась не компиляция чужих высказываний и комментариев, а собственные размышления и исследования, пусть даже несовершенные (согласно уставу 1812 г. Берлинского семинара). По этой причине, как считает автор, студент «жертвовал кругозором в пользу глубины». Что касается требований к магистерским диссертациям, отраженным в уставе Берлинского университета (1839–1840), то они были призваны «обновить и упорядочить изученные материалы... продемонстрировать индивидуальность, самобытность, оригинальность, творческие способности в общении с науками» [с. 296]. Данное требование актуально для современных студентов, которые не понимают, что значит «писать своими словами» и кроме тактики «вырежи и вставь» при написании курсовых и выпускных квалификационных работ ничего делать не умеют.

По мнению автора книги, все перечисленные формы (частные коллегии, частное наставничество (тьюторство) в Оксбридже, система исследовательских семинаров появились, чтобы «заполнить вакуум в сфере углубленного обучения» [с. 253]. Данные формы организации образовательной и исследовательской деятельности (лекция, семинар, диспут, лаборатория) проникли в учебное пространство современной магистратуры и, с одной стороны, продолжают традиционную академическую линию, с другой стороны, остаются пространством для современных академических инноваций.

Исследовательская линия в магистратуре может строиться: а) в романтическом ключе (свобода творчества, академическая харизма профессора, обучение «чистому» исследованию, концепция чистого знания, не собирание и накопление, а проникновение в глубины); б) в прагматичном (утилитарном) ключе: польза, практическая направленность, связь преподавания и исследования, реальная помощь в написании магистерской диссертации. На наш взгляд, для педагогической магистратуры более приемлем второй вариант развития событий, так как сами студенты замотивированы больше на «инвентаризацию» уже имеющегося профессионального опыта (его анализ, описание, изучение эффективности), предпочитая работать с уже накопленным материалом, а не заниматься рискованным поиском, исследованием новых форм образовательной практики и решением актуальных профессиональных проблем.

С другой стороны, это связано с уровнем преподавателей, работающих с магистрантами, не отличающихся «академической харизмой», которая, в понимании Кларка, «возникла не из славы, а из подлинной оригинальности ученого, признание которой и породило его славу...» [с. 590]. К сожалению, приходится констатировать, что не все преподаватели магистратуры проводят собственные оригинальные исследования, и в этой связи возникает вопрос: «Может ли научить исследованию человек, который сам ничего не исследует?» В эпилоге Кларк напоминает известные слова Гумбольдта (1809): «Университетский преподаватель более не учитель, студент – не ученик; последний исследует, профессор его направляет...» [с. 593]. Оригинальность, по нашему мнению, можно трактовать и как нарушение общепринятых канонов исследования, например, деление текста диссертации на теоретическую и практическую части, обязательное соблюдение трех этапов эксперимента (констатирующего, формирующего, контрольного). Кларк отмечает, что «традиционный университет явно враждебно реагировал на пророков или героев, отступавших от заданного сценария научной жизни, т. е. от канона» [с. 38]. Если применить эти слова к организации исследования в магистратуре, то это означает, на наш взгляд, расширение и обогаще-

ние исследовательского репертуара студента, например, посредством соорганизации методов традиционного и гуманитарного исследования, построением логики исследования по схеме «постановка проблемы и ее решение», а не только по традиционной схеме «анализ теории и организация эксперимента».

В завершение автор отмечает, что «эта книга о том, как ученые стали тем, чем они были и, быть может, являются» [с. 634]. А значит, она будет интересна всем, кто живет исследованием, мыслит себя ученым и помогает другим стать исследователями, для тех, кто размышляет о роли и месте магистратуры в современном университете как особом пространстве научно-образовательной деятельности.

Поздеева Светлана Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061); Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: svetapozd@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30.01.2019

DOI: 10.23951/2307-6127-2019-2-200-203

ANALYSIS OF THE HISTORICAL CONTEXT OF DISTINGUISHING MAGISTRACY AS A SPACE OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES: A REVIEW OF THE BOOK “ACADEMIC CHARISMA AND THE ORIGINS OF THE RESEARCH UNIVERSITY” BY WILLIAM CLARK (TRANSLATED FROM ENGLISH; EDITED BY M. DOBRYAKOVA, MOSCOW, HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS PUBL., 2017. 736 P.)

S. I. Pozdeyeva

Tomsk State Pedagogical University, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Pozdeyeva S. I., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061); National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: svetapozd@mail.ru